

— В центре столицы ещё оживлённее. Если будет желание, можно выбрать подходящее время и выйти посмотреть — просто скажите, — сказал Адриан.

— Правда?

Лицо Карла Линдберга тут же расцвело. От мрачного, напряжённого вида, который он носил в Линдберге, не осталось и следа.

Поймав взгляд наследного принца, Карл неловко почесал затылок и добавил:

— Ну... в Линдберге обстановка была, сами понимаете, гнетущая. Так что и радоваться там особо нечему.

Нечему радоваться?

Настолько было скучно, что он сделал пакости своим хобби?

Да он ведь, без сомнений, жил там веселее всех.

Адриан никак не мог сократить эту тонкую, но отчётливую дистанцию между тем Карлом Линдбергом, которого он «знал», и тем, что стоял перед ним сейчас.

Именно поэтому он и выделил время для личного разговора — но чем дальше, тем меньше понимал.

Не подозревая о его мыслях, Карл болтал без умолку:

— Вокруг одни пожилые дяденьки, ровесников — ни одного. А с прислугой общаться запрещено, ведь мы — королевская семья, так что было ещё тоскливее.

— Хм?

Он хотел дружить со слугами?

— Ну, с Марко-то нормально, конечно. И Элизабет есть. И сестра. Так что как-то держался, — он добавил, с завистью глядя на шумную компанию молодых пажей. — Здесь и погода лучше, и молодых людей полно.

Карл стал загибать пальцы, бормоча себе под нос, потом вдруг спохватился и поспешно привёл лицо в порядок.

— В общем... так и было.

Ресницы, дрожащие от несбывшихся желаний, и напускное равнодушие — странное сочетание.

Адриан изобразил дружелюбную улыбку:

— Если вы хотели завести друзей, то, по счастливому совпадению, мы ровесники. Со временем можем и подружиться.

Это вырвалось у него почти импульсивно — тонкие плечи принца показались вдруг такими одинокими.

Строго говоря, их связь могла оказаться куда теснее обычной дружбы, но ведь даже между

супругами бывает дружба. Если принц захочет — он мог бы это позволить.

— Э? А, нет-нет. Какой из меня друг для Его Высочества наследного принца? Ха-ха-ха, — Карл замахал руками, отказываясь.

Это что, повод так активно отказываться?

Настроение Адриана помрачнело, и он с подозрением окинул принца взглядом.

Когда у него успели так округлиться щёки?

В портретах, которые присылали шпионы, он всегда выглядел измождённым.

Ни щедро смазанные волосы, ни вечный острый прищур — всё это никогда не приходилось Адриану по вкусу.

А каким он был в десять лет?

Тогда это был довольно милый, пухлощёкий мальчик.

Раз в два месяца, на целую неделю, император и императрица — редчайший пример супружеской гармонии среди династий — запирались в спальне и не выходили.

Выросший в такой семье, Адриан и сам ждал омегу, которая будет любить его так же.

Когда стало ясно, что Карл Линдберг — доминантный омега, он ежедневно разглядывал присылаемые портреты красивого мальчика и втайне растил чувства.

На своё десятилетие он, не жалея сил, отправился в Линдберг — и увидел там нарядную куклу.

Холодное, словно у Снежной королевы, лицо, облепленное высокомерием.

Приезд наследного принца империи никто не приветствовал — посольство было в замешательстве.

А в центре всего этого Карл лишь лениво помахивал рукой.

Когда Карл протянул Адриану руку и потребовал поцеловать её, Адриан ответил:

— Отвратительно. Я не буду.

И Карл с размаху ударил его по щеке.

Слова были искренними.

Юные омеги не источают феромонов — но от маленького Карла исходил резкий, тошнотворный запах розы.

Когда наследного принца ударили, никто даже не попытался его остановить.

Китчнер, уже тогда канцлер, наоборот, упрекнул Адриана в отсутствии манер.

Рыцари Хенекена были вне себя, но без приказа обнажить клинки на чужой земле означало объявить войну — им пришлось сдержать гнев и отступить.

С годами выходки принца стали совсем невыносимыми, и Адриан втайне решил: как только Карл появится снова, он воспользуется случаем и раздавит Линдберг.

И вот теперь...

Перед ним стоял идеал, о котором он когда-то мечтал.

Взгляд, лишённый яда, сиял, как воды Юджинийского пролива — лучшего курорта Хенекена.

Каждый раз, когда сжатые губы складывались в мягкую дугу, Адриан сам того не замечая улыбался в ответ.

Он смотрел на линию шеи, плавно сходящую от подбородка к округлым плечам, и невольно сглатывал.

И этот едва уловимый аромат фиалок...

Адриан никогда не забывал, что он альфа, но редко ощущал это так отчётливо.

А этот омега — наивный, мягкий, словно пушистый детёныш — мгновенно заставил его осознать себя альфой.

Давным-давно подавленные феромоны рвались наружу, мечтая смешаться с его запахом.

Не подозревая о том, что шевелилось в груди наследного принца, Карл Линдберг смотрел на смеющихся служанок с той же доброй улыбкой, с какой отец смотрит на дочерей.

Не выдержав, Адриан естественным жестом взял его под руку и повёл.

Карл даже не заметил — его взгляд всё ещё был прикован к девушкам.

Раздражение подступало, и Адриан усадил принца на ближайшем патио.

— Так или иначе... давайте говорить откровенно. Чего вы хотите, принц?

Расторопные слуги тут же подложили подушки за их спины и подали чай с фруктами.

Карл, покрутив в руках тёплую чашку, после короткой паузы заговорил:

— В письме я не мог всё подробно изложить — боялся, что его перехватят. Но всё равно спасибо, что привезли нас в Хенекен.

Адриан хотел увидеть тёмные намерения Карла Линдберга — и с треском потерпел неудачу.

Он совсем не ожидал услышать благодарность первым делом.

— Обойдёмся без любезностей. Между нами, — отрезал он.

— Ха-ха... вот как?

Брови Карла чуть опустились.

Адриан наклонил голову, разглядывая его.

Неужели одно лишь положение бровей так меняет выражение лица?

Даже образ десятилетнего Карла, который он годами воскрешал в памяти, начал стираться.

Он был похож — и всё же не тот.

Но чем именно отличается, я так и не могу сказать...

Даже то, как дёргался уголок его губ, подбирая слова, казалось необычным.

Прежде Карл Линдберг говорил слишком прямо, из-за чего постоянно становился объектом пересудов.

Теперь же, после короткой паузы, он неловко выдавил главное — и Адриан смотрел на это, словно зачарованный.

— В Линдберге произвол знати с каждым днём становится всё сильнее. Простым людям уже просто невозможно жить.

Он разобрался куда лучше, чем ожидалось.

Линдберг был похож на нарыв, набитый гноем: достаточно малейшей трещины — и разъярённая толпа хлынет наружу.

Собственно, «фальшивый бунт» был отчасти нужен именно для этого.

Правда, принцу об этом пока знать не стоило — бескровного переворота не бывает.

Адриан постучал пальцем по столу, и Карл продолжил:

— Всё, что есть в казне, служит королевской семье и знати, а не народу. Стыдно признавать, но я долго «сходил с ума» и только сейчас пришёл в себя. Сам я не мог найти выход из этой ситуации.

Он сам сказал — «сходил с ума»?

Неожиданный выбор слов заставил Адриана широко раскрыть глаза, а Карл поспешно рассмеялся:

— Я и сам знаю, что творил. Сейчас мне стыдно... и я хочу всё исправить.

В его взгляде читалось искреннее раскаяние.

— К тому же, из-за того, что брак моей сестры решили так внезапно, у меня просто не осталось времени разобраться со всеми проблемами.

Он закатил глаза, украдкой наблюдая за реакцией Адриана.

— Брак принцессы Леи? Хм... звучит скорее как радостное событие, —

равнодушно заметил Адриан, глядя на то, как нервно шевелятся пальцы принца.

— ...Это не обычный брак. Во-первых, жених — пограничный дворянин, который только что получил титул выше барона. Во-вторых, ему уже за пятьдесят. И... он некрасивый.

По мере того как Карл говорил, в его голосе всё отчётливее звучало сдерживаемое

возмущение.

Понять это было нетрудно.

Канцлер Китчнер, должно быть, хотел перекрыть ей все возможные пути, по которым она могла бы проявить себя как альфа. В Линдберге хватало простолюдинов, которые и вовсе не знали о существовании вторичных полов. Если отправить её в глушь, то даже самая выдающаяся альфа не смогла бы легко войти в политику.

Судя по всему, принц не знал всех этих закулисных подробностей — ему просто было невыносимо видеть, как его прекрасную сестру почти что «продают» замуж.

От злости он сжал кулаки так крепко, что побелели костяшки, а в глазах стояли слёзы, словно вот-вот прольются.

— Какое бы ни было положение, сколько бы ни было лет, как бы ни выглядел человек — если бы сестра по-настоящему любила его и сама хотела этого брака, у меня не было бы права её останавливать. Но в этом браке воля моей сестры не была учтена ни разу!

<http://bllate.org/book/13881/1265795>